Книга пятнадцатая

Андрей и последняя песня старой звезды

Денис Федотов

Денис Федотов

Андрей и последняя песня старой звезды

«Автор»
2026

Федотов Д.

Андрей и последняя песня старой звезды / Д. Федотов — «Автор», 2026

Когда огромная красная звезда Ала узнаёт, что её жизнь подходит к концу, она просит Андрея об одном — не спасать её, а выслушать. Вместе с друзьями мальчик отправляется в удивительное космическое путешествие, чтобы сохранить истории старой звезды, услышать её последнюю песню и понять, что даже конец — это начало чего-то нового. Трогательная история о дружбе, памяти, взрослении и вечном круговороте жизни, которая помогает увидеть красоту даже в прощании.

© Федотов Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Четырнадцать 5
Глава 2. Красная гора 7
Глава 3. Истории Алы 9
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Денис Федотов
Андрей и последняя песня старой звезды

Глава 1. Четырнадцать

Четырнадцать лет Андрею исполнилось в конце марта, в такой день, когда с крыш уже капает, а в тени ещё лежит серый зернистый снег. Воробьи на берёзах во дворе кричали так, будто тоже праздновали.

Это был самый счастливый день рождения за все годы. Потому что папа был дома.

Папа всё ещё ходил медленно, осторожно, иногда придерживаясь за стену. И иногда, когда задумывался, разжимал пальцы и ронял то чашку, то ложку, то пульт от телевизора. Просто отпускал, как на станции, где вещи висят в воздухе. А потом смотрел, как они падают, и смеялся. Мама сказала, что за эти две недели он разбил четыре чашки, и что она скоро начнёт покупать пластмассовые. Но говорила она это так, что было понятно: пусть бьёт сколько угодно. Главное, что тут.

На день рождения пришли все. Бабушка с пирогом. Вера Павловна с книжкой про звёзды, толстой и тяжёлой, с очень красивыми картинками. Витька Соловьёв с подарком, завёрнутым в газету. В газете оказался самодельный фильтр для телескопа. Витька сказал, что сделал его сам, по инструкции, для того чтобы смотреть на Солнце и не испортить глаза. И что проверял его старший брат, который учится на физика. И что летом будет затмение, настоящее, полное, прямо над Винтеролдом, и что фильтр пригодится.

— Затмение? — удивился Андрей.

— Ты что, не знал? — Витька был страшно доволен. — Вот тебе и ботаник. Вера Павловна уже всем в кружке рассказала. Спроси Соню.

Андрей посмотрел на Соню. Соня посмотрела на него с видом человека, который знает больше всех на свете, но из вежливости молчит.

— В августе, — сказала она. — Я тебе потом расскажу. У нас в кружке целый план.

А потом был торт с четырнадцатью свечами. Андрей стоял над ним и долго не задувал, потому что не знал, что загадать. Раньше он всегда загадывал что-нибудь про космос. Сначала чтобы туда попасть. Потом чтобы Искра разгорелась. Потом чтобы у Пасмури было солнце. А сейчас он стоял и смотрел на всех за столом. На маму. На папу, который сидел на своём стуле, а не в ноутбуке. На Соню с Рыжиком на коленях. На бабушку, на Веру Павловну, на Витьку. И ему нечего было загадывать. Всё уже было.

Поэтому он загадал, чтобы так и осталось. И задул все свечи сразу.

Луми, который сидел на люстре, при каждой погасшей свечке вздрагивал. Он не любил, когда гаснет огонь. Даже свечной. Потом он подлетел к Андрею и тихо сказал ему на ухо, что четырнадцать свечек — это очень много. И что у него, у Луми, ни разу в жизни не было дня рождения. Потому что звёздные дети не знают, когда родились. Они просто однажды замечают, что светятся.

— Тогда сегодня и твой день рождения, — шёпотом сказал Андрей. — У нас один на двоих.

Луми засиял так, что бабушка снова похвалила лампочку.

А ночью, когда все разошлись и дом уснул, прилетела Ора.

Андрей не спал. Он ждал её. С того самого вечера на балконе, когда папа сказал «мягкой посадки», прошло две недели, и все эти две недели Ора не прилетала. Андрей знал почему. Она дала ему побыть с папой. Но он всё равно ждал.

Серебристый свет тихо втеклает в комнату, как вода. Ора повисла над письменным столом, и на столе заблестели карандаши, как серебряные дождинки.

— С днём рождения, Хранитель, — сказала она.

— Спасибо, — сказал Андрей. И присмотрелся.

С Орой что-то было не так. Она светилась как обычно, серебристо и спокойно. Но в её свете, если смотреть внимательно, всё время пробегали красноватые отблески. Такие же, как тогда, над балконом. Будто где-то внутри неё тлели угли.

— Ора, — сказал Андрей. — Расскажи про неё. Про Алу.

Ора долго молчала. Андрей не торопил её. Он теперь умел не торопить.

— Ала — моя самая старая подруга, — сказала наконец Ора. — Хотя на самом деле она гораздо моложе меня. В сотни раз. Я помню, как она родилась. Она была такая яркая, Андрей. Самая яркая в своём скоплении. Голубая, горячая, нетерпеливая. Как ты, когда только получил кристалл. Она всё время спешила. И она была права, что спешила.

— Почему?

— Потому что звёзды, которые светят так ярко, живут недолго, — сказала Ора. — Так устроено. Чем ты больше и ярче, тем быстрее сгораешь. Ала прожила всего несколько миллионов лет. Для звезды это очень мало. Твоё Солнце светит уже четыре с половиной миллиарда. А Ала… Ала уже старая. Она стала огромной и красной. И скоро…

Она замолчала.

— Скоро что? — тихо спросил Андрей. Хотя, кажется, уже понимал.

— Скоро её не станет, — сказала Ора. — Такой, какая она есть. Большие звёзды не гаснут медленно, Андрей. Они взрываются. И Ала тоже скоро взорвётся. Может быть, через несколько недель. Она чувствует.

Андрей сел на кровати. За окном капало с крыши. В соседней комнате спал папа, вернувшийся из космоса. А в соседнем доме спала Соня с Рыжиком. И всё было так хорошо, что он загадал, чтобы так и осталось.

— И что она хочет? — спросил он. — От меня?

И Ора ответила странно:

— Она сама тебе скажет. Но сначала я должна тебе сказать, чего она не хочет. Она не хочет, чтобы её спасали.

Глава 2. Красная гора

Они полетели в субботу. Андрей, Соня и Луми. И Рыжик, потому что Соня сказала, что он теперь опытный космонавт и без него летать нельзя.

Папа провожал их до двери комнаты. Дальше ему было нельзя, он не видел Врат и не видел Светлячка, но постоял в дверях и сказал своё «мягкой посадки». И ещё сказал то, чего раньше не говорил:

— Передайте ей привет. От одного человека, который тоже смотрел на звёзды сверху.

Ала жила далеко. Дальше, чем Пасмурь, дальше, чем Искра. В другом рукаве галактики, где Андрей ещё ни разу не был. Им пришлось пройти сквозь трое Врат подряд, и каждый раз звёзды вокруг становились другими, незнакомыми, как лица в чужом городе.

А потом Светлячок вынырнул из последних Врат, и перед ними встала звезда.

Нет. Не звезда. Гора.

Она занимала полнеба. Нет, больше. Она занимала всё небо впереди, слева направо и сверху вниз, как занимает всё окно стена соседнего дома, если он стоит совсем близко. Красная. Не огненно-красная, как пожар, а тёмно-красная, как рябина после первого мороза. И она не сияла, как Солнце, а тлела. Медленно, глухо, как угли в большой печке.

По её поверхности двигались пятна. Огромные пятна, посветлее и потемнее, как пузыри в кастрюле с кашей, только очень-очень медленные. Один пузырь медленно поднимался, расплывался и тонул. Потом другой. Потом третий. И Андрей вдруг понял, что каждый такой пузырь больше, чем всё его Солнце.

— Ой, — сказала Соня и прижала к себе Рыжика.

— Красный сверхгигант, — сказала Ора. Она летела рядом со Светлячком, маленькая серебристая искорка рядом с красной горой. — Так ваши учёные называют таких, как она. Если поставить её на место твоего Солнца, Андрей, она заняла бы всё место до самого Марса. И дальше. Земля оказалась бы у неё внутри.

Андрей попробовал это представить. И не смог.

И тогда красная гора заговорила.

Андрей не сразу понял, что это голос. Сначала это было просто дрожание. Оно шло откуда-то изнутри, из глубины, низкое-низкое, ниже, чем могут слышать уши. Светлячок загудел. Стекло иллюминатора задрожало. И сам Андрей задрожал, как дрожит пол, когда рядом проезжает очень большой грузовик. А потом кристалл на его шее засветился, и дрожание стало словами.

— Здравствуй, Хранитель.

Голос был медленный. Очень медленный. Не как у Тика, который говорит по слову, а как у человека, который очень устал и которому некуда спешить. И тёплый. Такой тёплый, что Андрею показалось, будто его укутали в старый бабушкин плед.

— Здравствуйте, — сказал Андрей. И не знал, что сказать дальше. Тогда он сказал то, что было правдой: — Вы очень большая.

И красная гора рассмеялась.

От её смеха по поверхности побежали волны, и пузыри запрыгали, и Светлячок качнуло, как лодку.

— Да, — сказала она. — Я очень большая. И очень старая. И очень, очень усталая. А ещё я скоро уйду. Ты знаешь?

— Знаю, — сказал Андрей. Голос у него стал тише. — Ора сказала.

— Хорошо, — сказала Ала. — Тогда я не буду тратить время на то, чтобы тебя к этому готовить. У меня его немного. Я тебя позвала не для того, чтобы ты меня спасал. Мне не нужно, чтобы меня спасали, деточка. Мне нужно, чтобы меня выслушали.

Андрей молчал.

— Я прожила долгую жизнь, — сказала Ала. — Долгую для тебя и короткую для звезды. И за эту жизнь я видела многое. Но никто не знает, что я видела. Кроме Оры. А Ора многого не знает, потому что была далеко. А когда я уйду, не будет никого, кто знает. Вот чего я боюсь, Хранитель. Не того, что уйду. А того, что уйду и никто не вспомнит. Расскажи мне, есть ли у вас, у людей, такой страх?

Андрей подумал о бабушке, которая помнит Гагарина. О папе и его старой истории про огонёк. О Тале, бабушке Нима, которая почти не видит, но рассказывает детям Пасмури про времена, когда у них не было утра. И кивнул.

— Есть, — сказал он. — Поэтому старики рассказывают истории. А младшие запоминают. И потом рассказывают своим детям.

Соня рядом с ним тихо достала из рюкзака новую тетрадку. Толстую, в клетку. Открыла на первой странице. И написала сверху самым красивым почерком, какой у неё был:

«Истории Алы».

— Я готова, — сказала она. — Рассказывайте. Я пишу быстро.

И красная гора снова тихо засмеялась. Но на этот раз Андрею показалось, что в её смехе были слёзы.

Глава 3. Истории Алы

Ала рассказывала медленно. Медленнее, чем бабушка, медленнее, чем Тала на Пасмури. Она делала длинные паузы между словами, и в этих паузах по её красной поверхности медленно плыли огромные пузыри. А Соня писала. Она писала так быстро, что у неё кончилась сначала одна ручка, потом вторая, и Андрей отдал ей свою.

Они прилетали к Але каждую субботу. И каждую субботу тетрадка «Истории Алы» становилась толще.

Ала рассказала, как родилась.

— Я родилась в туманности, — сказала она. — В большом тёмном облаке из газа и пыли. Как твой Луми, только давно. Облако сжималось, и сжималось, и в середине становилось всё горячее. А потом я загорелась. Не одна. Нас было много, целая стайка. Мы зажигались одна за другой, как фонари на улице вечером. И я была самая большая. И самая голубая. И самая громкая, ах, какая я была громкая!

Она рассмеялась, и Светлячок снова качнуло.

— Я выдувала из себя солнечный ветер такой силы, что разгоняла вокруг себя всё облако, — продолжала она. — Моим сестрам, маленьким звёздочкам, от этого было неуютно. Я тогда этого не понимала. Я думала только о себе. Молодые голубые звёзды все такие. Думают, что их свет — самое главное во Вселенной.

— Как Искра, — сказал Андрей.

— Искра?

И Андрей рассказал. Про Мглу, которая была одинокая и забирала чужой свет. Про то, как она стала Искрой. Про Пасмурь, которая теперь летает вокруг неё, и про то, как на Пасмури называют Искру «та, кто приходит по утрам». Ала слушала очень внимательно, и пузыри на её поверхности перестали двигаться, будто тоже слушали.

— Хорошая история, — сказала она наконец. — Очень хорошая. Видишь, Андрей, ты тоже хранишь истории. А теперь я тебе расскажу, как я впервые встретила Ору.

Андрей посмотрел на Ору. Ора ничего не сказала. Но её свет чуть-чуть порозовел. Андрей никогда ещё не видел, чтобы Ора розовела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.